
Девятый день первого лунного месяца

Поскольку Тао Синлун проявил редкое упрямство, Сун Хуань всё же пришлось отправиться вместе с Тао Циншу в уездную таверну, чтобы помочь там.

Во второй ветви семьи остались лишь Синлун да маленький Цинцзя. Сил у ребёнка было немного, и помочь отцу он мог лишь в малом. Чтобы второму дяде было удобнее передвигаться, Тао Цинъюй решил сходить в лес и разыскать крепкую древесину для костылей.

Закинув за спину плетёную корзину и прихватив моток верёвки с топориком, он зашагал в сторону гор.

На частных угодьях нельзя было тронуть и веточки, а в глухую чащу лезть не позволял младший папочка. Цинъюю оставалось лишь обогнуть холм и выйти к бесхозным зарослям бамбука у соседней деревни. Там, на самой окраине, росли дикие тутовники и бумажные шелковицы — их стволы идеально подходили по толщине.

Добравшись до места, юноша скинул поклажу, заметил подходящие деревца и принялся за работу. Глухие удары топора разносились над бамбуковой рощей, долетая до большой дороги.

Вскоре на тракте показались два экипажа, направлявшиеся в сторону деревни Баопин. В первой карете Цинь Чжу сидел рядом с Чжоу Линъи. Он заворожённо смотрел на мужа, внимая его наставлениям.

— Когда приедем, не выходи из кареты, пока я не подам руку. Ступай неспешно. Если родня станет о чём-то расспрашивать — просто улыбайся и молчи.

Линъи погладил его по ладони и добавил:

— Если дед примется ворчать — сразу прячься за мою спину. А если спросят о чём-то, чего не знаешь, так и говори: пусть, мол, у мужа моего спрашивают...

Цинь Чжу старательно запоминал каждое слово, то и дело кивая. Получив в награду ласковое пожатие руки, он вспыхнул и, смутившись, отвернулся к окну.

Снаружи мелькала бесконечная бамбуковая роща. Стебли мерно колыхались на ветру, издавая тихий шелест. Прижав ладонь к бешено колотящемуся сердцу, Чжу-гээр счастливо заулыбался. И тут до его слуха донёлся стук топора.

Повинуясь предчувствию, он поспешно откинул занавеску и, увидев знакомую фигуру, просиял:

— Сяо Юй!

Цинъюй замер, опустив топор. Утерев пот со лба, он бросил инструмент и подбежал к самой дороге.

— Вернулись! — он стоял на обочине и открыто улыбался.

Цинь Чжу, вцепившись обеими руками в раму окна, напрочь забыл о недавней робости:

— Сяо Юй! Как освободишься, обязательно заходи ко мне поиграть!

Заметив, что его обделили вниманием, Чжоу Линъи втиснулся в проём рядом с лицом супруга и кивнул:

— Хозяин Сяо Юй.

— Молодой доктор Чжоу, — отозвался Цинъюй.

Он украдкой оглядел друга: лицо румяное, не похудел, не осунулся. Видно было, что живется гээру неплохо. Поняв, что всё в порядке, юноша не стал задерживать путников:

— Договорились. Поезжайте, не смею мешать.

Карета тронулась, и Цинь Чжу ещё долго махал рукой в окно:

— Обязательно заходи!

Вернувшись к работе, Цинъюй прибавил ходу.

Срубив несколько деревьев, он первым делом очистил их от веток. Тонкий хворост он связал верёвкой и сложил в корзину — когда просохнет, сгодится на растопку. Оставшиеся голые стволы оказались не слишком тяжёлыми; подхватив их в охапку, юноша зашагал домой.

Едва он вышел из рощи, как со стороны дома семьи Цинь донеслись хлопки петард. Цинъюй бросил взгляд в ту сторону и поспешил к своим воротам.

Фан У помог сыну снять корзину и подал ковш воды:

— Чжу-гээр только что приехал с визитом.

Циньюй осушил ковш одним глотком:

— Я видел их на дороге. Младший папочка, я сейчас переоденусь и сбегаю к нему.

Фан У удержал его за руку, неодобрительно качнув головой:

— Сегодня у него первый официальный визит в родительский дом. Что тебе там сейчас делать? Ещё успеешь наговориться, не стоит идти в такой момент.

Циньюй рассудил, что отец прав:

— Ладно. Перехвачу его, когда они соберутся уезжать.

— Вот так будет лучше, — улыбнулся Фан У.

Не успели они закончить разговор, как Цинь Чжу сам прибежал к дому Тао. Циньюй в это время сидел во дворе, обстругивая заготовки. Глядя на высокую причёску друга, он чувствовал себя немного неловко. Личико у Чжу-гээр было совсем детское, и в этом наряде замужнего человека он напоминал ребёнка, примерившего одежду взрослого.

Гость ещё не успел открыть рот, а на лице его уже сияла улыбка. Ввалившись во двор, он шутливо заворчал:

— Сяо Юй! Я же просил тебя зайти!

— Младший папочка сказал, что сегодня у тебя важный день, не до меня будет.

— Глупости какие, — Цинь Чжу присел рядом с другом, прижавшись плечом к его плечу.

Не просидев спокойно и пары минут, он наклонился к самому уху Циньюя и зашептал:

— Видел бы ты, как они перед нами лебезили! С Чжоу Линьи носятся как с драгоценным сокровищем... Никогда не видел их такими.

«Ещё бы им не лебезить»

Циньюй понимал, что в глазах семьи Цинь этот зять был важной связью, которую нужно беречь.

— Так ты, затаив обиду в сердце, сбежал от них к нам? — поддразнил его юноша.

Цинь Чжу ткнул его локтем, всем видом выражая недовольство:

— Вовсе нет. Просто дома тоскливо. Да и Линьи сам велел мне сходить к тебе, развеяться.

Циньюй догадывался, о чём сейчас толкуют в доме Цинь — наверняка понукают молодожёнов поскорее обзавестись потомством. Он ласково потрепал друга по голове:

— Стало быть, муж к тебе хорошо относится.

— Не то слово! — Чжу-гээр расплылся в глупой улыбке.

«И слава богу»

За этого простофилю можно было не переживать.

Цинь Чжу придвинул табурет ближе и, словно в поисках опоры, привалился к другу.

— У меня есть новость для тебя.

— Говори, — Циньюй снова взялся за нож.

Друг лишь хитро поглядывал на него, напоминая глупого кролика, который наткнулся на чужую кладовую с зерном. Видя, что тот молчит, Циньюй невозмутимо произнёс:

— Ясно. Значит, на этом всё.

— Нет! Учитель Фан просил передать: пятнадцатого числа он ждёт тебя в уезде! — выпалил Цинь Чжу на одном дыхании.

Позади них Фан У, услышав эти слова, едва заметно улыбнулся. Он неслышно развернулся и, прижимая к себе таз с овощами, ушёл обратно на кухню.

— Пятнадцатого?

— А какое ещё пятнадцатое бывает в первом месяце? — Цинь Чжу со смехом толкнул его в бок.

Циньюй кивнул:

— Понятно.

Наверняка речь пойдёт о свадьбе. Он и сам подумывал договориться о встрече, так что их мысли совпали. Видя, что друг никак не выказывает бурных чувств, Цинь Чжу нахмурился:

— Ты что, не рад?

— Отчего же, рад, — Циньюй сосредоточенно состругивал кору.

— Рад — а сам не улыбаешься!

Цинь Чжу изогнулся, пытаясь заглянуть ему в лицо, но Циньюй лишь шутливо ущипнул его за щёку, отстраняя.

— Нам нужно обсудить важные дела, а ты бог весть что вообразил.

— Пятнадцатое число! Праздник фонарей! Разве в такой день не полагается запускать огни, смотреть на фейерверки и обмениваться залогами любви? Влюблённые должны давать клятвы верности, а ты... м-м-м!

Циньюй заткнул ему рот платком, который тут же бросил другу в руки.

— Поменьше забивай голову всякой чепухой.

— Сяо Юй! — Цинь Чжу возмущённо скомкал платок. — Ну и ну! Похоже, учитель Фан так и не сумел подобрать ключ к твоему сердцу. Чурбан ты бесчувственный!

— Это ты про кого?

— Про тебя!

Циньюй оскалился, показав острые кончики зубов:

— Смотри у меня, договоришься.

— И не подумаю! У меня теперь есть заступник, а у тебя? — Гээр вскинул голову, точь-в-точь как кролик, возомнивший себя хозяином леса. Вид у него был на редкость горделивый.

Циньюй лишь усмехнулся. Как ни храбрись, а стоит разок ткнуть — и повалится. Впрочем, он решил проявить великодушие и не спорить.

— Когда собираешься возвращаться?

— Ты меня прогоняешь?!

Циньюй легонько ткнул его заготовкой для костыля, и друг со смехом бросился наутек.

— Ладно тебе, хватит ломать комедию.

Всего несколько дней как замужем, а восторга — на годы вперед.

— Хе-хе... Скоро пойду обедать. Пойдешь со мной? — Цинь Чжу вернулся, отбросив шутливый тон.

— Пожалуй, воздержусь. Как выберусь в уезд — найду тебя.

Друг заметно поник, но тут же снова просиял:

— Тогда я помогу тебе продавать рыбу!

Циньюй удивился:

— Неужели в доме Чжоу тебе не нашли никакого дела?

Он слышал, что в богатых семьях гээры и девушки после свадьбы сразу погружаются в домашние хлопоты, обучаясь у старших ведению хозяйства.

— Какого дела? — во взгляде гээра отразилось полное недоумение.

— Ясно. Значит, будут баловать. Хочешь — приходи.

Цинь Чжу знал о положении семьи Тао, поэтому, приумолкнув, спросил:

— Рыбу ведь продают, когда она вырастет, а ты сейчас даже мальков не запускал.

— Раз в пруду пусто, буду ловить в реке. Нельзя же сидеть сложа руки.

— А те твои золотые рыбки, что «не удались»? — нерешительно протянул Цинь Чжу.

— За них много не выручишь. Не бери в голову, я что-нибудь придумаю.

За разговорами время пролетело незаметно, и Цинь Чжу отправился домой. Едва он ушёл, как от дяди Сяо Цзиня вернулись дети.

— Старший брат, что это? — обступили они Цинъюя.

— Костыли.

Он смастерил пару — такие удобно упирать в подмышки.

— Цинцзя, отнеси отцу, пусть примерит.

Мальчик убежал в дом и вскоре вернулся вместе со вторым дядей, который уже вовсю осваивал подарок.

— Дядя, как они? Удобно?

— В самый раз, — глаза Синлуна светились радостью. — Спасибо тебе, Юй-гээр, утрудил я тебя.

— Пустяки. Главное — не забудь про мои фигурки.

— Помню, всё время над ними сижу.

Маленький Цинъя, вернувшись, не отходил от старшего брата. Задрал личико, напоминающее белую пышку, он пролепетал:

— Старший брат, если тебе нужно — забирай все мои игрушки.

— Не надо, играй сам.

Мальчик упрямо мотнул головой:

— Нет, тебе.

Кроха выпятил губу и, вцепившись пухлыми пальчиками в руку брата, прошептал:

— Старший брат, ты ведь хочешь их продать, да?

— Какой сообразительный малыш, — улыбнулся Цинъюй, погладив его по голове.

В уезде резных фигурок хватало, много за них не дадут. Но он не гнался за богатством — сейчас каждая монета была на счету. Золотых рыбок он тоже решил прихватить на пробу.

— Юй-гээр! — окликнул его Фан У с заднего двора.

— Что случилось, младший папочка?

— Твои золотые рыбки в чане... Пересели их куда-нибудь, мне чан нужен. Те, что там плавают — они ведь не нужны?

В каменном чане за воротами плавали рыбки, которых он сам отобрал — те, чья красота была весьма заурядна. Раньше, когда отец был здоров и жизнь была полна надежд, Цинъюй просто выпустил бы их в пруд. Но в пруду рыскали змеи, а лесные птицы только и ждали случая склевать добычу с яркой чешуей. Из полусотни выпущенных рыбок к осени едва ли оставалось пять-шесть.

Тогда это было лишь его увлечением, и домочадцы снисходительно смотрели на такие потери. Но в этом году каждая рыбка была дорога. Как раз освободился чан, в котором младший папочка мыл батат, и юноша решил подержать их там, пока не придумает, куда пристроить.

— Нужны, — отозвался он. — Жалко выбрасывать.

— Тогда продай их? Скоро новые вылупятся, а места в доме и так нет. Скоро Праздник фонарей, рыбки твои такие нарядные. Девушки да гээры наверняка ими прельстятся.

Сказав это, Фан У легонько хлопнул себя по губам. Совсем забыл — у сына ведь свидание в этот день.

— Пускай твой третий дядя поможет продать.

В глазах Цинъюя вспыхнул огонёк:

— Думаешь, понравятся?

— Обязательно! Они ведь не такие привереды, как ты, не станут выискивать изъяны в каждом

пятнышке. Глянь, какие яркие! Да что там девушки — ты вон хоть Цинцзя спроси, ребятня от них в восторге будет.

Гээры, девушки, дети...

— Придумал! — воскликнул Циньюй.

Он порывисто обнял младшего папочку и звонко чмокнул его в щеку:

— Спасибо, папа!

И, не оборачиваясь, бросился прочь. Фан У, раскрасневшись, коснулся щеки. Вот ведь озорник!

— Ты куда?! Хоть перекуси чего-нибудь! — крикнул он вслед, но Циньюй уже скрылся за воротами.

В обед семья Тао обходилась без пышных трапез, довольствуясь варёным бататом с соленьями. Циньюй на бегу отозвался, что скоро вернётся. Он добежал до бамбуковой рощи, срубил длинный стебель и потащил его к дому.

Ян Цюэ и Тао Синван, увидев, как он пыхтит, налегая на бамбук, поспешили на помощь.

— Зачем тебе бамбук? — удивился Ян Цюэ.

— Дядя, тётушка, помогите мне! — Циньюй задыхался, пот заливал глаза.

Ян Цюэ утер ему лицо краем рукава:

— Говори, что нужно.

Синван молча втащил стебель во двор.

— Мне нужны тонкие кольца из бамбука, размером с ладонь, — Циньюй тут же согнул одну из веток, показывая.

— Сколько? — спросил Синван.

— Около сотни.

— Одного стебля не хватит, схожу ещё нарублю, — Синван уже потянулся за топором, но Циньюй его остановил.

— Я сам нарублю, а вы, дядя, помогите согнуть.

— К какому сроку?

— К Празднику фонарей.

— Успеем.

— Да что ж вы за люди такие! Дозваться не могу! — Фан У вынес миску с горячим бататом. — По два клубня каждому, и живо за еду!

Ян Цюэ, завидев суровое лицо деверя, поспешно раздала всем еду:

— Едим, уже едим!

Циньюй, стараясь не попадаться отцу на глаза, быстро разделался со своей порцией. Батат — штука сытная, но когда ешь его изо дня в день, бывшая любовь к нему проходит. Запив еду водой и заев соленьями, он выпросил у Цинья глоток сладкого рисового отвара — хоть какой-то вкус.

Утолив голод, Циньюй помог прибраться на кухне и вывел младшего папочку во двор. Ему не терпелось приступить к делу.

— Младший папочка, у нас остались лоскутки?

— Сколько угодно.

Сун Хуань мешками таскала обрезки из уездной мануфактуры. Домашние гээры частенько мастерили из них всякую мелочь на продажу.

— Поможете нам с тётушкой сделать цветы из ткани и повязки на голову? Да посимпатичнее.

Фан У понял, что сын задумал что-то стоящее:

— Сделаем. У нас и платки вышитые остались, и плетёные амулеты — их тоже брать?

— Всё берём!

Вскоре вся семья была при деле. Цинъюй оглядел притихших детей.

— Старший брат, а нам что делать? — спросил Цинцзя.

Цинъя обхватил ногу брата и пролепетал:

— Я тоже хочу помогать.

Цинъюй на мгновение задумался:

— Мне нужны бамбуковые тубусы. Большие. Прodelайте в них дырочки и проденьте верёвки, чтобы можно было носить как ведерки.

— Куда им с такой работой возиться, — Тао Юлян, опираясь на трость, вышел на крыльцо под руку с госпожой Цзоу.

— Наслушался вашего шума, не может на месте сидеть, — улыbnулась старушка.

Цинъюй кивнул:

— Вот и славно, это поручим деду. Двадцати штук хватит.

— Бамбук я сам нарублю, — добавил Синван.

— А мы? А мы?! — Цинъя качался на его ноге, преданно заглядывая в глаза.

Погладив мягкие волосы малыша, Цинъюй спросил:

— Плести кузнечиков умеете?

— Я умею, — серьезно кивнул Цинцзя.

— И мы...

— Я научу, — Цинцзя тут же увел братьев искать подходящую траву.

Так в доме Тао не осталось ни одного праздного человека.

Праздник фонарей

Задолго до рассвета Цинъюй проверил ловушки в реке. Улов был небогат — похоже, идею дяди продавать рыбу на рынке придётся на время отложить. Он перелил десяток рыбешек в ведро: пускай лучше дети и раненые подкрепят силы.

Вернувшись домой в предрассветных сумерках, он наскоро перекусил рисовой кашей, которой его снабдили Фан У и Ян Цюэ, и выкатил во двор старую тележку. Всё, что приготовили накануне, уже было аккуратно упаковано; оставалось лишь закрепить вещи. В последний момент он добавил два десятка золотых рыбок.

Тао Синван впрягся в тележку спереди, а Цинъюй помогал подталкивать её сзади. В праздник уезд должен быть полон народу, и нужно было занять место получше. Дома остались лишь Ян Цюэ да Фан У — приглядывать за стариками и детьми.

В уезд они прибыли еще затемно. Потратив несколько монет на временное место для торговли, они начали разгружаться. Цинъюй задумал увлечь публику игрой в кольца. Он прочертил на земле линию и расставил призы: соломенных кузнечиков, тканевые цветы, деревянные фигурки...

— Юй-гээр, рыбок в тубусы пересаживать? — спросил Синван.

— Нет, так их не увидят. Дядя, где мои фарфоровые пиалы?

— Пиалы? — Синван порылся в корзинах. — Не вижу. Может, забыл положить?

В доме было всего несколько таких чаш — их заказывали специально к свадьбе Синъюна. Обычно ели из глиняной посуды, а фарфор хранили для особых случаев. Цинъюй помрачнел:

— Неужели и впрямь забыл?

Поняв, что без посуды затея теряет смысл, Синван предложил:

— Схожу, займу у кого-нибудь. У родни твоей второй тетки наверняка найдется пара штук.

— Лучше я сам. Вы присмотрите за товаром.

На улицах уже начал появляться народ. Цинъюй поспешил в сторону переулка Цзиньфу.

У дверей дома Фан он занес руку, чтобы постучать, но услышал сзади голос:

— Хозяин Сяо Юй! Это вы!

Цинъюй обернулся:

— А Сю?

— Он самый! — Слуга просиял.

Появление Цинъюя было добрым знаком — день обещал быть удачным.

— Вы к нашему хозяину?

Юноша кивнул. А Сю подошел к двери и сам постучал. Цинъюй удивился:

— Ты разве не здесь живешь?

А Сю почесал затылок:

— Ночью в соседнем доме. Хозяин не любит, когда в комнатах есть кто-то чужой.

Цинъюй понимающе хмыкнул. Всё именно так, как он и думал.

Дверь открылась. Едва завидев мрачное лицо Фан Вэньли, А Сю поспешно спрятался за спину гостя. На его глазах лицо господина чудесным образом преобразилось.

— Сяо Юй, — улыбнулся учитель.

Он радушно распахнул дверь. Ветер играл полами его халата и мягко шевелил распущенные волосы, придавая ему вид утонченного ученого мужа.

— Доброго утра, учитель Фан.

«Учитель Фан...»

Улыбка Вэньли едва заметно дрогнула. Он метнул строгий взгляд на А Сю, и тот мгновенно юркнул во двор, скрывшись на кухне.

— Проходи.

— Нет времени. Я лишь зашел сказать, что сегодня буду очень занят. Если захочешь обсудить наше дело — ищи меня у озера Фэнъян. Мне пора бежать.

Циньюй уже развернулся, но почувствовал знакомое натяжение ткани на рукаве. Тело замерло раньше, чем мозг успел возмутиться.

— Прямо сейчас? — нехотя спросил он.

Фан Вэньли отпустил рукав и покачал головой:

— Что за дела у тебя? Я сегодня свободен и мог бы помочь.

Циньюй замялся, но учитель подбодрил его мягкой улыбкой. Юноша нерешительно произнес:

— Я хотел попросить у тебя несколько белых фарфоровых пиал... Можно?

— Бери, сколько нужно, — без тени сомнения ответил Вэньли.

— И даже не спросишь, зачем они мне? — улыбнулся Циньюй.

— Делай с ними всё, что сочтешь нужным. Пойдем, выберешь.

Раз уж хозяин не против, а время поджимало, Циньюй вошел в дом. На кухне А Сю уже вовсю хлопотал над завтраком. Узнав, что гостю нужны чаши, он распахнул шкаф:

— Всё добро господина здесь, выбирайте любую.

Циньюй хотел было сказать, что ему подойдет любая, но застыл перед полками. Там стояли сервизы тончайшей работы — белизна была столь совершенной, что фарфор казался полупрозрачным, точно драгоценный нефрит. Каждая чаша стоила, верно, не один серебряный слиток.

— Это... — Циньюй не решался прикоснуться к такой роскоши.

— Не нравятся? — спросил Фан Вэньли.

— Ну что ты... Просто они такие дорогие, боюсь разбить.

Вэньли серьезно кивнул:

— Они крепкие. Я свои ронял не раз.

А Сю в углу едва не поперхнулся.

«Крепкие?! Как же!»

Стоило одной чаше хоть чуть-чуть надколоться, господин тут же выбрасывал весь набор. И ведь лжет сейчас, даже глазом не моргнет!

Раз уж пришел... Но эти чаши были совсем не чета тем, что он искал.

— Я... я в них золотых рыбок сажать собрался, — честно признался Цинъюй.

Фан Вэньли скользнул взглядом по покрасневшему уху юноши и тихо ответил:

— Будет красиво.

— Тогда... я возьму?

— Бери.

Выбрав наборы с узором в виде лотосов, Цинъюй поблагодарил хозяина и поспешил к выходу. Он бежал так быстро, что Вэньли не успел его догнать. А Сю покосился на господина.

«Ну и вид — вылитый обиженный муж!»

— Глаза выколю, — буднично уронил Фан Вэньли.

Слуга вздрогнул и уткнулся в котел. Только и умеет, что грозить, а сам не может гээра в дом привести! Тьфу!

— Пойду пройдуся.

— Хозяин! Вы же не завтракали! — А Сю выскочил с поварешкой вслед за ним, но увидел лишь удаляющуюся спину. — Ну и ладно! Заболеете от голода — я не виноват!

Поворчав, он вернулся к плите. Глядя на пляшущие языки пламени, он вспомнил свое детство. Он был подле господина с малых лет. Не семья Фан купила его — Фан Вэньли сам нашел его на кладбище среди мертвецов и привел домой. До того, как остаться сиротой, он так же сидел у печи. А потом вернулся пьяный отец, разлил вино, опрокинул масло... Огонь взметнулся до

самого неба. Очнулся он уже на погосте, весь израненный и без дома. Господин не бросил его, вылечил. Только благодаря ему он сейчас живет как человек.

Напекши сытных лепешек с мясом, А Сю запер дом и отправился на поиски.

В Праздник фонарей полагалось любоваться огнями и разгадывать загадки. У озера Фэнъян ежегодно собирались толпы народа. Уездные власти проводили там церемонии и выбирали лучший фонарь. Торговцы снедью тоже жались поближе к гуляющим.

Когда А Сю наконец нашел господина, тот неподвижно застыл на мостике. Проследив за его взглядом, слуга увидел лоток Цинъюя, расположившийся неподалеку.

— Раз уж пришли, чего стоите? — А Сю протянул ему лепешку.

Вэньли лишь мельком глянул на еду и не шевельнулся.

— Ну и ладно. Сам не съешь — я Сяо Юю отнесу.

<http://bllate.org/book/15858/1444253>